

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

КВАНТИФИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»

Москва 2005

Б. ТОШОВИЧ

КВАНТИТАТИВНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ КВАНТИФИКАЦИЯ

0. В настоящей работе рассматриваются два вопроса: в чем категориальная сущность количества и какими количественными характеристиками обладают языковые категории. В анализе первого вопроса (количество как категория) необходимо разграничить и осмыслить (1) формы, выражающие количество (прежде всего имена числительные), (2) количественные значения (точность, приблизительность, /бес/конечность, продолжительность, однократность и т. д.), (3) функции единиц, указывающих на количественные отношения (номинативные и предикативные, первичные и вторичные...), (4) количественные категории (грамматическое число, /не/исчисляемость, /не/расчлененность, /не/единичность, множество, парность, собирательность и др.) и (5) количественные операции (сложение, вычитание, исчисление, деление и т. п.). Что касается второго вопроса, языковые категории толкуются исходя из количественных параметров. При этом учитывается категориальная замкнутость (характерная для закрытых систем) и категориальная открытость (в системах, допускающих расширение). В первой части работы в центре внимания находится понятие категории (категориальная категоризация), во второй — количество как категория, т. е. типологическое рассмотрение и представление количества (квантитативная категоризация), а в третьей — категория как количество (категориальная квантификация). В квантитативной категоризации и категориальной квантификации ставится вопрос (1) какие существуют количественные категории вообще, (2) какие существуют языковые количественные категории и (3) как категория количества укладывается в общую систему категорий. Чтобы понять, как количество соотносится с языковыми категориями, необходимо ответить на вопрос: (а) что такое количество и какие квантитативные категории существуют и (б) что такое языковая категория и какие квантитативные типы языковых категорий выделяют. Первый аспект входит в состав квантитативной категоризации, а второй базируется на «категориальной категоризации» и входит в состав категориальной квантификации. В центре внимания категориальной квантификации находится число членов

категории и количественные типы категорий закрытого и открытого типа¹.

1. Категоризация направлена на формирование предельно обобщающих и классифицирующих понятий познавательной деятельности человека²: «Нет ничего более базового для нашего мышления, восприятия, действия и речи, чем категоризация» [Лакофф 2004: 20]. Саму категорию не образует изолированная форма, значение или функция, а совокупность форм, значений или функций. Если элементы не находятся во взаимном отношении, они не составляют категорию. Понятие категории используется в самых различных значениях: (1) группа, класс, разряд, множество, совокупность однородных явлений, (2) основное (самое широкое, самое общее) понятие, (3) общие свойства, дифференциальные признаки классов. В логике категориями считаются предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания, какими являются материя, движение, пространство, время, сознание, отражение, истина, тождество, противоречие, содержание, форма, количество, качество, необходимость, случайность, причина, следствие и др. [Гетманова 1996: 53]³.

¹ Понятие квантификации используется в формальной логике в форме кванторов (прежде всего квантора общности и квантора существования) и в более широком значении — как количество исчисляемых вещей или измеряемых объектов.

² С категоризацией тесно связана концептуализация — понятийная классификация, т. е. осмысление поступающей к человеку информации, приводящее к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы [Кубрякова и др. 1996: 93]. Но они различаются тем, что концептуализация направлена на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, а категоризация является объединением единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризуемых как тождественные в более крупные разряды [Там же: 93]. Категоризация имеет дело с категориями и понятиями, а концептуализация — с концептами. Философы всегда занимались понятиями и категориями, лингвисты также искали категории, но языковые. Однако языковеды также начали поиски примитивов или концептов — «кирпичей для образования всего остального». Близка по значению классификация — распределение по классам согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов [Кондаков 1967].

³ Существуют различные подходы к изучению и выделению глобальных категорий. Один из них выступает в форме редукционизма. Суть его — гипостазирование онтологических категорий, т. е. выдвижение на первый план одной и отрицание другой (других категорий). Термин «редукция» использует Т. Котарбинский по отношению к тому, что он называет «мнимыми категориями» [Ко-

Чтобы какое-нибудь явление назвать категорией, необходимо (а) иметь как минимум два элемента, (б) которые должны находиться в некотором отношении и (в) которые должны иметь общее свойство. Теоретически это может быть: (1) единство различных форм с общим значением ($f_1, f_2, f_3 \dots f_x = 'Z'$), напр., окончания существительных типа *стол, стола, столу* с общим значением образуют семантико-формальный класс, (2) единство различных форм с общей функцией ($f_1, f_2, f_3 \dots f_x = F$), напр., слова типа *карандаш, перо, книга* выполняют одну и ту же функцию — номинативную и образуют функционально-формальный класс, (3) единство различных значений с общей формой ($'z_1', 'z_2', 'z_3' \dots 'z_x' = F$), напр., выполнение значения действия в настоящем, будущем и прошлом образуют формально-семантический класс, (4) единство различных значений с общей функцией ($'z_1', 'z_2', 'z_3' \dots 'z_x' = F$), напр., передача значения действия в настоящем, будущем и прошлом с одной и той же функцией (скажем, воздействием) образуют функционально-семантический класс, (5) единство различных функций с общей формой ($F_1, F_2, F_3 \dots F_x = f$), напр., выполнение различных функций типа общения, сообщения и воздействия одной формой образуют формально-функциональный класс, (6) единство различных функций с общим значением ($F_1, F_2, F_3 \dots F_x = 'Z'$), напр., выполнение различных функций словами общего значения образуют семантико-функциональный класс. Во всех комбинациях всегда подразумевается наличие формы.

Языковая категориальная система состоит из двух подсистем. Одну составляют общие категории, другую «категориальные категории». Общие категории являются глобальными, самыми ши-

тарбиньский 2000: 30–35]. Существует несколько типов редукционизма. Одним преувеличивается значение вещи, другим — свойства, третьим — отношения. Так возникли реизм, атрибутивизм и релятивизм. Реизм утверждает, что существуют только вещи. Другие философы и логики говорят о наличии только свойств, о том, что качества составляют реальный мир. Так формировался атрибутивизм. Его суть — абсолютность качеств и отрицание отдельных вещей. Третьи гипостазировали категорию «отношение», выступая против понятия субстанции как носителя свойств и отношений. Такие взгляды легли в основу релятивизма.

Одним из новейших категориальных подходов является прототипический. В теории прототипов считается, что категории расплывчаты и не обладают четкими границами. «В когнитивной психологии и лингвистике последних десятилетий классическое представление о категоризации подверглось радикальному пересмотру. Так, исследования Дж. Лакоффа, Э. Рош, Б. Верлина и др. показали, что в результате обобщенной, повседневной категоризации (отраженной, в частности, в языковой картине мира) формируются весьма специфические объединения, не вполне соответствующие логоцентристским нормам платоновско-аристотелевской категоризации» [Задворная 2001: 480–481].

роками. Они могут быть универсальными, стратумными и ориентационными. Универсальные категории возникают на всех языковых уровнях и во всех ориентациях (в любой лингвистической дисциплине). Такими являются коннотативность, кореферентность, синонимичность, транспозитивность. Стратумные категории представляют собой единства в рамках отдельных языковых стратумов. Они могут быть гомогенными, т. е. одноуровневыми (напр., синтаксические и морфологические), и гетерогенными, т. е. разноуровневыми (скажем, лексико-морфологические, морфо-синтаксические). Ориентационные категории возникают в рамках определенных направлений, школ, моделей, учений, таких как (а) функциональная грамматика, контрастивная лингвистика, математическая лингвистика, текстуальная лингвистика, (б) структурализм, генеративизм и т. п. Ориентационные категории бывают монодисциплинарными (собственно языковыми/лингвистическими), интердисциплинарными и мультидисциплинарными.

Вторую систему образуют «категориальные категории». Их составляют категории, свойственные всем или многим системам (не только языковым). Они могут быть кляузивными (конклюдивными и деклюдивными), манифестационными (эксплицитными и имплицитными) и дифференциальными (классифицирующими и модифицирующими).

Кляузивные категории выступают как (1) подмножества, которые нельзя увеличивать, и (2) подмножества, которые можно расширять. Первые имеют закрытый, вторые — открытый характер, соответственно выделяются конклюдивные (закрытые) и деклюдивные (открытые) категории. Скажем, экспрессивность является сугубо деклюдивной категорией. Закрытая категория возникает в случаях, когда невозможно никакое расширение. Таким случаем является в русском языке категория рода (существуют два природных рода — мужской и женский и несколько грамматических: мужской, женский, средний, общий род), числа (единственное и множественного), падежа (шесть падежей), вида (несовершенный и совершенный).

Манифестационные категории отличаются формальным выражением (эксплицитные категории) или отсутствием формального показателя (скрытые, имплицитные категории). Напр., категория определенности/неопределенности в русском языке является имплицитной категорией, так как отсутствуют особые формы для выражения данного значения, в то время как другие языки (скажем, немецкий) развили определенный и неопределенный член.

Дифференциальные категории выступают как классификационные и модификационные. Классификационные категории отличаются тем, что единицу одной подкатегории нельзя превращать в единицу другой подкатегории, напр., категория рода неодушевленных существительных (каждое существительное принадлежит одному из трех родов — мужскому, женскому или среднему). Модификационные категории отличаются тем, что единицу одной подкатегории можно инфильтрировать в другую подкатегорию. К этой группе относится, скажем, род и число у прилагательных, у глаголов.

Любая категориальная система состоит из структурных типов. Их составляют категории, категоремы, подкатегории, марки и микрокатегории, гипер- и гипокатегории, надкатегории, суперкатегории, категориальные сплавы и т. д. На этом уровне особого внимания заслуживает суперкатегория (сверхкатегория). В языкознании суперкатегория трактуется по-разному. «Значения и формы грамматических категорий иногда настолько переплетаются, что образуют единую сверхкатегорию, значение которой реализуется в контексте. Так Имбс <...> объединял в сверхкатегорию время и вид. Гийом фактически свел в единую сверхкатегорию наклонение, время, вид, а Дамурет и Пишон — морфологическую категорию числа и синтаксическую категорию детерминации. Тенденция к выделению сверхкатегорий отражает нежесткость языковой системы, сложность классификаций» [Гак 1986: 35]⁴. Одной из суперкатегорий является лицо (у местоимений и глаголов), другой — род, третьей — падеж⁵. Некоторые называют суперкатегориями только те категории, которые относятся к нескольким частям речи, напр., грамматический род в славянских языках [Dabić 2000: 198]. Таким образом, то, что является совместным (скажем, время и вид), не образует суперкатегории. Мы не являемся сторонниками этого термина, потому что нам кажется

⁴ В грамматике наблюдается большая способность образования суперкатегорий у существительных, чем у глаголов [Ревзина 1973: 9].

⁵ И. С. Улуканов говорит о словообразовательных надкатегориях или суперкатегориях [Улуканов 1975: 28]. Другие исследователи называют надкатегорией случаи, когда внутренняя, содержательная сторона словообразовательной категории разных частей речи преодолевает «частеречный порог» [Зализняк 1989: 33]. «В системе словообразовательных категорий преобладают категории, основанные на одном частеречном мотивирующем признаке, в то же время в ряде случаев и этот, мотивирующий, частеречный порог может быть преодолен. Так СК собирательности ориентирована в основном на имена существительные, однако в качестве производящих могут выступать и прилагательные (*молодежь, старье, молодняк*)» [Там же].

целесообразнее говорить о категориальных сплавах, а именно однородных и гетерогенных: первые составляют одни и те же категории у различных типов гиперкатегории (напр., число у существительного и глагола), другие различные категории различных гиперкатегорий (напр., падеж у существительных и вид у глаголов).

* * *

Существуют различные подходы к определению, толкованию и выделению категории количества. Она числится почти во всех списках основных категорий. Но и здесь явно выражены индивидуальные подходы⁶.

⁶ С. Г. Шляхтенко пишет, что в начальном периоде развития человеческого мышления количественные представления еще не могли возникнуть. «Схватывалась одна сторона — абсолютное различие явлений либо их тождество, т. е. складывались первичные эмпирические представления о качественном различии или сходстве явлений. Качественные и количественные различия не различались в мышлении» [Шляхтенко 1968: 4]. Он дальше говорит о том, что приходилось держать в памяти не несколько десятков чисел и правил счета, применимых к любым объектам, а столько чисел, сколько имелось индивидуальных предметов. «Так, эскимосы не могли правильно сосчитать своих детей, если их было больше трех. Они отличали однотипные предметы с помощью не отвлеченных чисел, а названий индивидуальных особенностей, связанных с каждым пересчитываемым предметом. Не общее число своих собак держат в памяти эскимосы, а отдельные представления о белой собаке с черными крапинками, о собаке, родившейся в голодную зиму, и т. п. Когда жители Южных островов хотели сообщить, что пришли пять человек, они никогда не говорили: „Пришли пятеро“. Об этом сообщалось примерно так: пришел один мужчина с большим носом, старик, ребенок, мужчина с большой кожей и совсем маленький ребенок». Исторически развитие мышления, продолжает С. Г. Шляхтенко, шло от конкретных наглядно-образных форм к формам все более отвлеченным. «Чем менее развито мышление, тем большую роль играют в нем образы-понятия. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие родовых и обилие конкретных, образных понятий в языке первобытных племен. У саами есть специальное слово для обозначения однолетнего оленя и другое слово для обозначения оленя шестилетнего. У них двадцать слов для обозначения льда, одиннадцать — для холода, сорок одно — для снега во всех его видах, двадцать шесть глаголов для выражения мороза и т. д. В языке туземцев западной Австралии имеются названия для всех естественных особенностей форм земной поверхности: каждого возвышения, каждого болота, каждой извилины реки и т. д., но нет самого слова „река“. В области Замбези каждый холмик, каждая возвышенность, гора, вершина горной цепи, каждая речка, долина, равнина имеют свое название. На деле каждая часть страны, каждая особенность ее поверхности обозначается таким количеством специальных названий, что потребовалась бы целая жизнь, чтобы расшифровать их смысл» [Шляхтенко 1968: 3]. В этом начальном периоде отсутствовало ясное понимание различия между частью и целым.

Количеством Аристотель считал то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых является чем-то одним, данным налицо [Аристотель 1976]. Среди известных категорий Аристотеля (их всего десять) количество занимает вторую позицию после сущности (субстанции)⁷. Платон выделял шесть категорий, среди которых нет количества: 1. сущее, 2. бытие, 3. тождество, 4. различие, 5. движение, 6. покой [Платон 2000: 36]. Пифагорейцы различали десять пар противоположных начал, четыре из которых являются количественными: предел и бесконечное, нечет и чет, единое и множество, четырехугольное и разностороннее, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное. В четырехчленной категориальной системе И. Канта количество занимает первую позицию. Оно расчленяется на три подкатегории: а) единство, б) множество, в) цельность⁸. Г. Ф. Гегель в рамках первой в его системе категории — бытия — выделял, кроме качества, две количественные категории: количество и меру⁹. В. Вундт не выделяет количественные категории — для него существуют только вещи, свойства, состояния и отношения [Wundt 1906: 113]. Концепция Л. Витгенштейна «семейных (фамильных) сходств» базируется на положении о недискретности, размытости границ, непрерывности и случайности в определении вещей и их наименований [Кубрякова и др. 1996: 140]. Особая трактовка представлена в работах Ч. Пирса. Он указывал на то, что в составе одной и той же категории могут быть не вполне идентичные величины и что между различными типами не существует жестких границ. Для Г. Ф. Гегеля количество — внешняя по отношению к бытию, безразличная для него определенность: «Все вещи имеют свою меру, т. е. количественную определенность, и для них безразлично, будут ли они более или менее велики; но вместе с тем это безразличие также имеет свой предел, при нарушении которого (при дальнейшем увеличении или уменьшении) вещи перестают быть тем, чем они были» [Hegel 1975].

⁷ Следует качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие, страдание.

⁸ Далее следуют: 2. качество — а) реальность; б) отрицание; в) ограничение, 3. отношение — а) субстанция и свойство; б) причина и действие; г) взаимодействие, 4. модальность — а) /не/возможность; б) /не/действительность; в) необходимость и случайность [Kant 1944].

⁹ К остальным категориям относятся: 2. сущность — а) основание; б) явление; в) действительность (субстанция, причина, взаимодействие), 3. понятие — а) субъект; б) объект; в) абсолютная идея [Hegel 1975].

В других толкованиях подчеркивается тот или иной аспект количества: (а) внешнее, формальное взаимоотношение предметов или их частей, а также свойств, связей (величина, число, степень проявления), (б) совокупность свойств, указывающих на величину и размер вещи, объективная определенность предмета, (в) совокупность элементов, объединенных по какому-н. признаку, (г) сторона действительности, которая определяет предмет со стороны его измеримости, (д) аддитивность предикатов (свойств), которые определяют (иллюстрируют) величину (объем, размер, модальность), выражение количества, множества, размера предмета или явления.

Для соотнесения категории количества и языковых категорий релевантными являются два подхода — математическая и философско-логическая количественная категоризация. В математике количество не является основной категорией, поэтому и не числится в математических словарях. В них говорится, в первую очередь, о множествах и подмножествах. В теории информации количеством считается мера уменьшения неопределенности ситуации, возникающего вследствие того, что становятся известными исходы другой ситуации [Кондрашов 1975: 352]. В логике говорится о количестве применительно к субъекту суждения. Под этим подразумеваются отображения того, какому кругу предметов (одному предмету, части предметов одного класса или всем предметам одного класса) принадлежит исследуемое свойство, зафиксированное в данном суждении [Там же].

В целях полного осмысления категории количества ее необходимо соотнести с другими понятийными категориями (каковыми являются предметность, предикативность и атрибутивность). Категория количества, прежде всего, связана с атрибутивностью, куда, кроме количественности, относится качественность (значение качества), компаративность (градуальность) и посессивность (притяжательность).

Количество является важной семантической и лексической универсалией. По нашим подсчетам, из 61 прототипа Анны Вежбицкой 6 имеют количественный характер: 1. кванторы — *один, два, несколько/мало, много/многие, весь/все*, 2. атрибуты — *большой, маленький*, 3. таксономия, партономия — *вид/сорт, часть*, 4. интенсификатор, усилитель — *очень, больше*, 5. пространство — *далеко, вблизи*, 6. время — *долго, не долго, одно время* [Вежбицкая 1996; 1999]. В системе И. А. Мельчука и А. К. Жолковского следующие семантические функции являются эксплицитно количественными: 1. Sing (единичность) — типовое значение одной штуки, одного «кванта»: Sing (горох) = горошина, Sing (цело-

вать) = поцеловать; Mult (совокупность, множество, множественность): Mult (корабль) = флот, Mult (студент) = студенчество, 2. Magn (обозначение высокой степени, интенсивности самой ситуации или актанта) — 'очень', 'в большой степени', 'большой': Magn (температура) = высокая, Magn (рассматривать) = внимательно, пристально, 3. Plus ('более'), Minus ('менее') — увеличивать, уменьшать, 4. Dimin (уменьшительная форма: Augm (дом) = домище, домина, 5. Liqu (ликвидировать) [Мельчук 1999, Мельчук/Жолковский 1984, Жолковский/Мельчук 1969].

Одним из сложнейших вопросов является типология количества, выраженного языковыми средствами. В языкознании попытки такой таксономизации редко встречаются. Одна из них принадлежит А. А. Холодовичу¹⁰. Он писал, что множество, противостоящее единичности, исключительно многообразно по своему составу, по своей структуре [Холодович 1979: 174–179]. На базе бинарных оппозиций он выделил шесть схем структурных типов множества, которые находят выражение в языке и которые порождают 12 типов: 1. множество определенное, завершенное противопоставляется множеству неопределенному, незавершенному; определенное множество представлено в русском языке в таких группах слов, как (а) *сани, вилы, подтяжки*, (б) *картофель, горох*, неопределенное множество представлено формами типа *руки, столы, лампы*, 2. множество предметов противопоставляется множеству предметному (первого рода множество представляет собой соединение однородных предметов, каждый из которых является слагаемым в этом множестве; второго рода множество выражает один предмет, который состоит внутренне из многих одинаковых частей); множество предметов представлено в русских формах *рука/руки, поле/поля, море/моря*; предметное множество — в словах русского языка типа *грабли, гусли, дрова, часы, счеты, бусы, щетки*, 3. множество конкретное, т. е. сращенное, сплошное, непрерывное, противопоставляется множеству дискретному, прерывному, точечному¹¹: а) конкретное множество представлено в

¹⁰ А. А. Холодович толкует множество как то, что находится в оппозиции к единичности, что является исключительно разнообразным по своему составу и структуре [Холодович 1979: 174].

¹¹ «Первого рода множество в силу сращенности, непрерывности никак не соотносится с составляющими его слагаемыми, которые растворяются в этом потоке сращенности, непрерывности. Множество это при всем желании не может быть разобцено, расчленено на части, ибо такое расчленение сразу сделало бы его дискретным, т. е. множеством второго рода. Именно в силу этого оно как бы индивидуализируется в подлинном, точном смысле этого слова и представляется нам множеством в образе единицы» [Холодович 1979: 175].

русском языке в такой серии слов, как *зверье, солдаты* (ср. собирательное *солдатня*), *гнилье* (ср. собирательное *гниль*), *белье, бабье, старье, камень*; б) дискретное множество представлено в японских редуплицированных формах *хитобито* ('каждый человек > люди'), *кунигуни* ('каждая провинция > провинции'), 4. множество однородное противопоставляется множеству неоднородному: а) первого рода множество состоит из ряда предметов, неоднородных один относительно другого типа *рука/руки, пол/полы*, б) второго рода множество представлено лишь в словосочетаниях, соединенных между собой союзами, или в словосочетаниях бессоюзных: *лес и вода обнялись*, — *прилетели иволги, стрижи, береговые ласточки*, — *гомонили пастухи и журавли*, 5. множество арифметическое, т. е. как сумма слагаемых (например, определенный конечный ряд *n*-единиц в русском типа *земляника, клубника, ежевика*) противопоставляется множеству алгебраическому, т. е. как сумме слагаемых, например, (а) неопределенный, бесконечный ряд типа *руки*, (б) определенный, конечный ряд, разрешающийся в сумме двух единиц типа *вилы, клещи, щипцы, ножницы* или в сумме трех единиц — в китайском языке *во-мынь-са* 'мы втроем'¹², 6. множество тотальное (совокупность предметов, причем ни один член этой совокупности не изъят из нее) противопоставляется множеству партитивному (совокупность, которая рассечена на *n*-части, причем некоторое количество этих частей изъято из совокупности), которое выражается в русском языке родительным падежом: *шесть столов, три карандаша*. А. А. Холодович подчеркивает, что все эти множества и их антитезы находят выражение в языке. «Но наряду с этим существуют, так сказать, надъязыковые множества. Они являются предметом рассмотрения математики и находят выражение лишь в математической символической» [Холодович 1979: 179]. Некоторые из положений А. А. Холодовича являются противоречивыми (напр. 4а), в частности из-за того, что одни примеры являются синтагматическими, другие же парадигматическими и что смешивается множественное число с всеобщностью (тотальностью) и т. п.

Другую модель создал Т. П. Ломтев, который разделил квантитативы (не все, а только количественные и порядковые числитель-

¹² «В первом случае множество дано как сумма; во внутренней форме его нет указаний на слагаемые, составляющие это множество. Во втором случае множество дано как совокупность слагаемых, составляющих это множество; при этом совокупность этих слагаемых может быть, согласно противоположению 1, либо бесконечной, либо конечной» [Холодович 1979: 177].

ные, количественные местоимения, наречия и средства аппроксимации) на 11 групп со значениями всеобщности, невсеобщности, полной мощности множества, точной мощности множества, неточной мощности множества, порядка [Ломтев 1971: 106–116].

Особую модель предлагают Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс [Гулыга/Шендельс 1969]. Категорию множественности они понимают очень широко и включают все формы количественности («числа» как они говорят), которые членятся на микрополя единичности и множественности. В микрополе множественности авторы выделяют семь групп грамматических и словарных конститuentов. «Доминантой поля признаются формы множественного числа существительных, выражающие чистую множественность. По отношению к ним периферийны формы множественного числа прилагательных, причастий и глаголов, несущие избыточную грамматическую информацию. В поле включены также средства, выражающие неопределенное количество (количественные местоимения), точное число (числительные), приблизительность количества (некоторые наречия), а также средства, передающие качество множественности (совокупности) или имплицитности множественности (включая и некоторые идиоматические модели словосочетаний)» [Там же: 25].

В концепции Иштвана Пете противопоставляется абстрактное и определенное (единичное, нулевое и множественное), целое и частичное количество [Pete 1981]. Он выделяет типы численного количества на основе следующих признаков: 1. по составу — нулевое, единичное и множественное (определенное, приблизительное и неопределенное), 2. по характеру содержания — раздельное, совокупное, дистрибутивное, порядковое, видовое, нормативное¹³, 3. с точки зрения измеримости — дискретное и недискретное, 4. с точки зрения интенсификации количественных свойств — недискретные количественные свойства (увеличение, уменьшение)¹⁴, 5. по объему — целое, частичное, 6. по состоянию — статичное, динамичное¹⁵ [Pete 1981: 340–345].

В других исследованиях выделяются основные параметры количественной семантики в виде оппозиций: 1) расчлененность/

¹³ Данный термин является довольно неудачным (он подразумевает обилие или отсутствие чего-либо в нужном количестве).

¹⁴ Этот тип таксономически не укладывается в общую систему, так как имеется в виду не тип численного количества, а его признаки, которые устанавливаются при помощи сравнения.

¹⁵ О статическом и динамическом представлении количественных отношений в сознании современного человека см. [Чеснокова 1983].

нерасчлененность; 2) кардинальность/ординальность, 3) внешнее/внутреннее количество, 4) определенность/неопределенность, 5) суммарность/дистрибутивность, 6) однородность/неоднородность [Тураева/Биренбаум 1985; 1988].

Структура функционально-семантического макрополя количественности в европейских языках представляется В. В. Акуленко следующим образом: «Макрополе в целом членится на два поля второго ранга: определенного количества и неопределенного количества. Первое из них образуется, в свою очередь, двумя полями третьего ранга: нумеративностью и единичностью. Второе из них образуется также двумя микрополями второго ранга: множественности (плюральности) и оценки неопределенного количества. Наконец, поле оценки неопределенного количества включает в свой состав два поля четвертого ранга: неопределенно большого количества („мультиплицистности“) и неопределенно малого количества (паукальности). Данная структурация не является жесткой: различные участки микрополей взаимодействуют внутри макрополя и отчасти переходят одно в другое. Возникают промежуточные явления типа микрополя собирательности в зоне соприкосновения полей единичности и множественности. Наконец, все ФСП количественности в целом взаимодействуют с рядом других ФСП» [Категория количества 1990: 17–18].

К данной проблеме мы подходим по-другому и считаем, что необходимо создать полную конструкцию категории количества, выражаемого языковыми средствами, и потом проводить дальнейшее исследование. В таком подходе мы выделяем четыре группы количественных явлений — группу А, Б, В и Г. В группе А находятся такие количественные объединения и явления как: множество (подмножество), сумма, величина, мера, энтропия, размер, группа, пара, чет, нечет, целое, часть, число, квантификатор, квантор, квант, кварки¹⁶. Они между собой более или менее различаются. Скажем, количество является тем, что можно исчислять, а величина — тем, что можно измерять (на это указывал уже Аристотель). В данной группе центральным понятием является квантификатор, который используется, прежде всего, в логике и математике. В язы-

¹⁶ Ю. Д. Апресян говорит о семантических кварках — реально существующих смыслах, никогда не материализуемых в словах естественных языков: «Смысл, который не материализуется ни в каком отдельном слове естественного языка, в нашей работе <...> был назван нетривиальным семантическим признаком. Это и есть подлинный семантический примитив. Именно из таких примитивов-конструктов, примитивов-кварков должен строиться словарь того семантического языка, который будет обслуживать универсальную семантику» [Апресян 1994: 27–40].

кознание его ввел Есперсен и определил как десигнацию слов, обозначающих количество, т. е. число (в связи с числительными), количество (в связи с неисчисляемым) и степень (в определенных словосочетаниях) [Šarić 2002: 37]¹⁷. Группу Б составляют количественные приемы: добавление (плюс-приемы), сокращение (минус-приемы), умножение, разделение и т. п. Группа В объединяет признаки количества, прежде всего атрибутивность, затем предметность, абстрактность, конкретность, предикативность. Группа Г содержит два важных свойства количества — аксиологичность и зависимость. Первое подразумевает способ подхода к количеству и его сведение к определенному качественному показателю. Фокусирование количества может быть направлено (а) на один элемент, (б) на две точки или же (в) на маленькое или большое множество. Радикализация любого подхода ведет к гипостазированию единичности, двойственности и множественности в форме монизма, дуализма и плюрализма. Монизм берет за основу всего существующего материю (материалистический монизм) или дух (идеалистический монизм), дуализм признает идеальное и материальное как два самостоятельных, независимых начала, а плюрализм утверждает, что в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых духовных сущностей. Отдельную группу образуют количественные комплексы: 1. множественность, единичность, двойственность, парность, 2. совокупность, сегментарность, собирательность, интегральность (коллективность), уникальность, конкретность, абстрактность (эти подкатегории выражаются преимущественно при помощи существительных, точнее лексико-семантических разрядов существительных), 3. эксплицитность, имплицитность, 4. точечность, линейность, 5. динамичность, предельность, итеративность (повторяемость), дуративность (продолжительность), повторность, аккумулятивность, интенсивность (носителями данных подкатегорий являются в первую очередь глаголы, особенно ка-

¹⁷ Бранка Тафра констатирует, что квантификатор является более широким понятием, чем понятие числа: «Генеративные грамматики относят их (= числительные) к квантификаторам, т. е. к единицам, при помощи которых в словосочетаниях с существительным выражаются оппозиции по количеству. Чаще всего эту функцию выполняют количественные наречия: *мало, много, несколько, немного, достаточно*, существительные, когда обозначают не предмет, а количество: *вагон* (зерна), *мешок* (кукурузы), *бокал* (вина), некоторые же квантификаторы являются универсальными, напр., *каждый*... Для меня понятие квантификатора является более широким понятием, чем числительные. Общим признаком всех квантификаторов является ограничение распределения в словосочетании с существительным. Это и понятно, учитывая то, что только предметы, обозначенные существительными, можно квантифицировать» [Taḡra 1989: 224].

тегория вида), 6. стратифицированность, градуальность, деминутивность (уменьшительность), аугментативность (увеличительность), дименсиональность, компаративность, соотносительность (зависимость), 7. дискретность, континуальность, 8. считаемость, исчисляемость, расчлененность, четкость, точность, определенность, приближительность, (бес)конечность, стабильность, упорядоченность.

Важнейшей чертой количества является его корреляционность, в первую очередь зависимость.

Каждая грамматическая категория эксплицирует или имплицитно определяет определенное количество. С другой стороны, она также является определенным количеством. В грамматике преобладают категории с небольшим числом категорем (членов категорий), в первую очередь с двумя, тремя и четырьмя. Поэтому релевантным является выделение бикатегорий, теркатегорий и квадрокатегорий. Бикатегория содержит две категоремы; такими являются грамматическое число (единственное и множественное), глагольный вид (несовершенный и совершенный), природный род (мужской и женский), залог (действительный и страдательный). Сюда относятся и лексико-семантические категории типа антонимии. Теркатегория выступает как трехчленное единство (в форме пирамиды), скажем грамматический род (мужской, женский и средний), лицо (первое, второе, третье), грамматическое время (настоящее, прошедшее, будущее). Квадрокатегория (четырёхчленная категория) представляет собой множество, состоящее из четырех категорем; такой является диатеза, которую составляет (а) субъект и объект, (б) подлежащее и сказуемое. Категории, имеющие пять и более членов, объединяются в мультикатегорию (самым типичным примером в русском языке является категория падежа с шестью категоремами). Большое число членов содержат лексико-семантические категории типа синонимии и полисемии (в первой множественность порождается разнообразием форм, во второй — разнообразием значений).

В категориальной системе существует квантитативная эксклюзивность и инклюзивность. Если определенная языковая единица изначально предопределена выражать количество, речь идет о квантитативной эксклюзивности. В случае, когда опосредованно, сопутствующим образом отражается количество, речь идет о квантитативной инклюзивности. Скажем, категория числа отличается квантитативной эксклюзивностью, потому что ее первичная задача — отражать количественные связи. Данная категория имеет довольно сложную структуру, в частности потому что языки обладают неодинаковыми категориальными возможностями выражения количественных отношений.

В категориальной квантификации особое место занимает нулевая категория и монокатегория, так как их выделение противоречит основному категориальному критерию, согласно которому категорию составляет единство как минимум двух элементов. Поэтому эти категории являются спорными.

Монокатегория охватывает то, что является единственным, единым в своем роде, и поэтому еще называется сингулярной, единичной категорией (классом). «Существуют множества, состоящие из одного-единственного элемента, напр., множество всех спутников земли состоит из одного спутника — луны» [Холодович 1979: 179]. Единичные классы вызывают особый интерес в когнитивной психологии. В книге «Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация» эта проблема рассматривается с двух позиций. (1) Не существует (в материале для классификации) изолированного элемента или элемента вне класса. Это означает, что нужно расклассифицировать все элементы, и если существует какой-нибудь элемент (х), являющийся единственным в своем роде, то он образует особый класс (единичный в таком случае): (х) Е (Ах). (2) Не существует также и изолированного класса, то есть всякий особый класс А, характеризующийся свойством а, противостоит своему дополнению А' (характеризующемуся не-а) при ближайшем роде В, т. е. $A + A' = B$ [Пиаже/Инелдер 2002: 164]. Мы считаем, что в языкознании надо быть осторожным с введением и использованием сингулярных категорий, т. е. монокатегорий¹⁸. Особенно настораживает обилие исключений, которые при линейном подходе, т. е. автоматизации, придется считать сингулярными категориями.

Второй тяжелый вопрос гласит: можно ли считать категорией случай, когда нет ни одного единого элемента. А. А. Холодович указывает на такую теоретическую возможность: «Является целесообразным рассматривать даже такое множество, которое вовсе не имеет элементов. Мы назовем его пустым множеством» [Холодович 1976: 179]¹⁹. Кристал занимает, однако, более сдержанную позицию: «Ясно, что введение нуля (или нулевого элемента, по образцу употребления этого элемента в математике) мотивировано необходимостью сохранить в анализе пропорциональность и правильность или сделать выводы как можно более экономно.

¹⁸ Кандидатами в монокатегорию могли бы быть междометие в категории частей речи и инфинитив в глагольной системе.

¹⁹ В математике используется выражение *нулевое множество, пустое место* и т. п.

Ноль одновременно является понятием, которое надо использовать с осторожностью, с полным оправданием, так как слишком большое количество нолей в анализе снижает его убедительность» [Kristal 1985: 167]. О. С. Ахманова под нулевой категорией подразумевает то, чем она по сути дела не является, — немаркированную категориальную форму в составе данной грамматической категории, например изъявительное наклонение (как немаркированную категориальную форму категории наклонения), несовершенный вид (как немаркированную, беспрефиксальную, категориальную форму категории вида), невозвратный залог и т. п. [Ахманова 1966: 192]²⁰. Понятие нуля ввели в языкознание представители Казанской и Пражской школ, в первую очередь В. А. Богородицкий и Н. С. Трубецкой, именно в значении немаркированных элементов. Нулевой знак рассматривал и Роман Jakobson [Jakobson 1939]. А. А. Реформатский писал о значении нуля: «Насколько ноль плох в жизни, настолько он важен в мысли. Без нуля мыслить нельзя <...> Нули бывают разные. Бывает истинный ноль в любой системе счисления. <...> „Система нуждается в нуле, чтобы стать еще совершеннее“, — приводил слова индейских мудрецов чудесный В. Н. Топоров <...> А бывают и в лингвистике нули — они-то и не „идеальный“, а необходимый инвентарь системных отношений, о чем еще когда-то пеклись Фортунатов, Водуэн и Соссюр. Нули в любой семиологической системе необходимы — это прямое следствие знаковости, где даже при двух возможных в качестве одного бывает ноль. То же при трех и более. Собственно, вся дихотомия построена на отношении к нулю» (цит. по: [Гарипов/Вильданова 1988: 95]). Р. С. Манучарян считает, что даже корень слова может быть нулевым («пустым, опустошенным, десемантизированным») и приводит такие примеры: *вынуть, предок, переборщить, отбояриться* [Манучарян 2004]²¹. Иштван Пете вводит понятие нулевой количественности, которым выражается полное отсутствие предметов, процессов (действий) и признаков [Pete 1981: 340]. Вслед за некоторыми другими авторами (напри-

²⁰ В Словаре [Розенталь/Теленкова 1976] говорится о нулевой морфеме, нулевой связке, нулевой флексии, нулевой форме, нулевом сказуемом, нулевом аффиксе и ноле звука. Подобный подход встречается и в немецком языкознании, в котором используются понятия типа нулевая конверсия, нулевой член, нулевой элемент, нулевая морфема, нулевая флексия, нулевая форма, нулевой падеж, нулевая связка, нулевой морф, нулевой порядок, нулевая степень, нулевой суффикс и т. п. [Metzler 2000]. Душан Йович пишет о нулевых свойствах в языковой структуре [Jović 1977].

²¹ О синтаксическом нуле см. [Мельчук 1974].

мер, И. Г. Кошевой и И. Г. Лукашенко) он считает, что основное числовое противопоставление и в природе и в языке идет не по линии 'единица' — 'много', а по линии 'нуль' — 'нечто больше нуля'.

Очень сложным является вопрос, что считать языковыми категориями. Бесспорным является тот факт, что они имеют двухплановый характер, так как состоят из плана содержания (внеязыкового содержания, выраженного языковыми средствами) и плана выражения (языковых средств, используемых для передачи внеязыкового содержания)²². В первом случае общее содержание выражается при помощи различных форм (напр. количественная подкатегория интенсивности формализуется при помощи существительного, прилагательного, наречия, глагола), а во втором общая форма выражает различные типы содержания (одна форма выражает различные количественные отношения). В языковой категоризации проявляются два подхода — жесткий и мягкий. Жесткое понимание категории основывается на понятии равенства, нежесткое — на понятии подобия, сходства, но не полного тождества: «Научное определение предполагает именно первую ситуацию, определение же категории как естественного феномена — вторую» [Кубрякова 1997: 90]²³. Кроме того, можно говорить об узком и широком толковании языковой категории. Первый подход вряд ли является целесообразным. Этой точке зрения придерживается и Милош Докулил, который писал: «Излишние ограничения в употреблении термина „категория“ в языкознании повели бы к борьбе с такими обычными теперь выражениями, как категория настоящего времени, категория кондиционала настоящего времени, категория инфинитива, категория слова, категория субстантива, категория подлежащего, категория придаточных предложений и т. п., которая была бы напрасной и заранее обреченной на неудачу. Для таких ограничений нет и достаточно веских теоретических оснований» [Докулил 1967: 4]. Мы явля-

²² О. Есперсен выдвигает форму как высший критерий и в синтаксисе признает только такие категории, которые находят в нем формальное выражение [Есперсен 2002: 52].

²³ Е. С. Кубрякова склоняется к прототипическому толкованию категорий: «Появление теории прототипов способствует пониманию природы естественных классификаций, где жестких границ не то что вообще не существует, нет, но где определяемые такими жесткими границами явления сосуществуют с явлениями градуируемыми. А поскольку весь язык — явление естественное, он и демонстрирует нам такие же естественные категории, и их описание достигается скорее с помощью такой теории, которая позволяет оперировать размытыми множествами и характеризуется потому лучше с помощью понятия прототипических категорий...» [Кубрякова 1997: 105].

емся сторонниками (а) максимального разграничения близких по значению и употреблению фундаментальных понятий, каким, в частности, является категория, (б) максимально строгого их использования, (в) сохранения их терминологичности. Поэтому мы считаем неоправданным механическое провозглашение категорией любой группировки, любого объединения языковых феноменов (что, к сожалению, очень часто встречается в практике).

Каждый языковой уровень порождает определенную категориальную систему и каждая из них по-своему соотносится с категорией количества²⁴.

На лексико-семантическом уровне существует очень разнообразная и комплексная лексика с количественной и количественно-качественной семантикой²⁵. Категория количества пронизывает по сути всю семантическую сферу языка [Акуленко/Клименко 1975: 11]. Для толкования количественной структуры предметов, процессов и признаков интересным является введение понятий предметоколичества, процессоколичества и признакоколичества [Тураева/Биренбаум 1985]²⁶. Количественные слова выражают почти все значения, которые упоминаются в языковой типологии количества²⁷. Они могут, скажем, указывать на максимум (выпить *до дна*), минимум (*капелька, крошечка, чуточка*), предел (вода *по горло*), определенное множество (*тройка*), неопределенное множество (*обилие, уйма*)²⁸, желательное количество (*вдоволь, вволю*). Лексические категории по-разному отражают количественные отношения (ср. синонимы *идти* — *семенить*, ср. паронимы *усатый* — *уастый* и т. п.). В лексико-семантических группах выделяются слова различной количественной характеристики.

²⁴ О содержании категории количества в русском языке см. [Полянский 1984].

²⁵ В. В. Новицкая распределяет лексику с количественным значением в русском языке по четырем полям — по величине, мощности величины, множеству, мощности множества [Новицкая 1978]. Первое включает явления размерности, второе содержит измерители, третье охватывает вещественные существительные и существительные со значением совокупности, четвертое объединяет слова со значением большого количества.

²⁶ Содержание предметоколичества составляет счет предметов (дискретных пространственных единиц) или их частей и мера недискретных материалов; содержанием процессоколичества является либо счет отдельных разобщенных процессов или частей одного процесса (кратность), либо протяженность непрерывного процесса во времени; признакоколичество — мера интенсивности предметного или процессного качества [Тураева/Биренбаум 1985: 122].

²⁷ О количественных словах в системе частей речи см. [Ондрус 1971].

²⁸ О словах со значением «неопределенной множественности» в русском языке см. [Марковский 1974].

Так, в группе глаголов со значением бытия Н. Ю. Шведова выделяет значение существования (а) без количественной характеристики и (б) с количественной характеристикой — локальной и темпоральной [Шведова 1983: схема III]. Фразеологические сочетания также указывают на различные количественные отношения (*раз-два и обчелся, кот заплакал*).

На морфологическом уровне количество выражается при помощи отдельных морфем (*много-, мало-, мульти-*), грамматической категории числа²⁹, степени сравнения, лица, времени и вида, а также системой частей речи. Среди них выделяются имена числительные, которые выполняют сугубо квантитативную функцию и которые на данном уровне являются центральной количественной категорией. Существуют квантитативные существительные (*горсть, мелочь, излишек*)³⁰, глаголы (*вздремнуть, похудеть, преувеличить, преуменьшить*), прилагательные (*маленький, большой, полный, незначительный*)³¹, местоимения (*весь, каждый, любой*), наречия (*мало, много, полностью, значительно, почти*). Разница в выражении количества именами и глаголами состоит в том, что субстантивная плюральность отражает дискретность только пространственного характера, а глагольная плюральность может быть дискретной как во времени (действия совершаются последовательно, каждое занимает свое время), так и в пространстве (действия совершаются в одно время, но каждое совершается в своем пространстве), более того действия могут совершаться «неорганизованно», т. е. некоторые происходят одновременно, другие — последовательно [Чеснокова 1983: 83]. Глагол выражает количественную характеристику действий при помощи категории вида (однократные, многократные глаголы и др.), морфологически противопоставлением единственного и множественного числа и синтаксически сочетанием со словами, передающими количественные значения. Глагольная множественность отличается глобальным характером, так как она выходит на смысл целого предложения или даже текста [Dressler

²⁹ О семантике грамматической категории числа в свете понятия множества см. [Потапова 1983].

³⁰ Среди них выделяются собирательные существительные, существительные, выражающие партитивные множества (*plurality tantum* типа *брюки, ножницы*), существительные, передающие «пространственную множественность» (термин А. И. Смирницкого) типа *снега Килиманджаро*, неполные множества (*меньшинство*) и т. п.

³¹ О количественной детерминации прилагательных в русском языке см. [Кржижкова 1974].

1968]. Предлоги часто указывают на количественное отношение (*с мизинец, с гору*).

На словообразовательном уровне существует целый ряд формантов, словообразовательных приемов и типов, при помощи которых выражаются количественные отношения, в первую очередь уменьшительность и увеличительность.

На синтаксическом уровне в целях усиления и уточнения количественных значений используются синтаксические кванторы (напр., синтаксический квантор-подлежащее с количественным значением единичности, синтаксический квантор-дополнение для определения количественной семантики объекта действия, синтаксические кванторы-обстоятельства для усиления, уточнения и изменения количественных отношений), адвербиальные определители (*в меру*) и др. Центральной квантитативной единицей на уровне синтаксиса является счетный оборот, например, сочетание числительного и существительного (*три книги*), существительного и существительного (*море крови*). Одним из синтаксических приемов передачи количества является повтор (*день за днем, снова и снова*), а также перечисление. Но и целые предложения могут иметь квантитативный характер (*По пальчикам можно пересчитать*)³².

ЛИТЕРАТУРА

- Акуленко/Клименко 1975 — Акуленко Л. Г., Клименко Н. Л. О выражении категории количества в языке // Структурная и математическая лингвистика. Киев, 1975. № 3. С. 7–20.
- Апресян 1994 — Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. № 4. С. 27–40.
- Аристотель 1976 — Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1976.
- Ахманова 1966 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой идентификации «частей речи» // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 134–170.
- Гак 1986 — Гак В. Г. Грамматические категории // Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986. С. 32–51.

³² О понятии «множество» в семантике синтаксиса см. [Селивёрстова 1983].

- Гарипов/Вильданова 1988 — *Гарипов Т.М., Вильданова Н.Г.* Семантика синтаксического нуля // Исследования по семантике. Уфа, 1988. С. 95–101.
- Гетманова 1996 — *Гетманова А.Д.* Учебник по логике. М., 1996.
- Гулыга/Шендельс 1969 — *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
- Докулил 1967 — *Докулил Милош.* К вопросу о морфологической категории // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 3–16.
- Есперсен 2002 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 2002.
- Жолковский/Мельчук 1969 — *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* К построению действующей модели языка «мысль — текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. № 11. С. 5–35.
- Задворная 2001 — *Задворная Е.Г.* Категоризация // Новейший философский словарь / Сост. и гл. научн. ред. А.А. Грицанов. Минск, 2001.
- Зализняк 1989 — *Зализняк А.М.* Словообразовательные категории как одно из проявлений языковой асимметрии // Вопросы грамматической асимметрии. Ташкент, 1989. С. 30–35.
- Категория количества 1990 — Категория количества в современных европейских языках / Отв. ред. В.В. Акуленко. Киев, 1990.
- Кондаков 1967 — *Кондаков Н.И.* Введение в логику. М., 1967.
- Кондрашов 1975 — *Кондрашов Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Котарбиньский 2000 — *Котарбиньский Т.* Лекции по истории логики. Биробиджан, 2000.
- Кржижкова 1974 — *Кржижкова Е.* Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 122–144.
- Кубрякова 1997 — *Кубрякова Е.* Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова и др. 1996 — *Кубрякова Е., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Ломтев 1971 — *Ломтев Т.П.* Квантитативы современного русского языка / Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971. С. 106–116.
- Манучарян 2004 — *Манучарян Р.С.* Нулевые корни / Проблемы теории и истории славянского словоупотребления. Минск, 2004. С. 194–197.
- Марковский 1974 — *Марковский И.К.* Слова со значением неопределенной множественности в современном русском языке // Филологические науки. 1974. № 4. С. 77–84.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле / Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л., 1974. С. 343–361.

- Мельчук 1999 — *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистической модели «смысл $\Leftrightarrow$ текст»: Семантика, синтаксис. М., 1999.
- Мельчук/Жолковский 1984 — *Мельчук И.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien: Wiener Slawischer Almanach, 1984. Sonderband 14.
- Новицкая 1978 — *Новицкая В.В.* Лексика с количественным значением в современном русском языке / АКД. Уфа, 1978.
- Ондрус 1971 — *Ондрус Павел.* Количественные слова в системе частей речи / Филологические науки. 1971. С. 59–69.
- Пиаже/Инельдер 2002 — *Пиаже Ж., Инельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация. М., 2002.
- Платон 2000 — *Платон.* Диалоги. М., 2000.
- Потапова 1983 — *Потапова М.Д.* Семантика грамматической категории числа в свете понятия множества // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 2. С. 130–141.
- Полянский 1984 — *Полянский А.Н.* План содержания категории количества в русском языке // Филологические науки. 1984. № 1 (139). С. 34–41.
- Ревзина 1973 — *Ревзина О.Г.* Общая теория грамматических категорий // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 5–38.
- Розенталь/Теленкова 1976 — *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Селивёрстова 1983 — *Селивёрстова О.Н.* Понятие «множество» и «противоположность» в семантике синтаксиса // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 2. С. 142–150.
- Тураева/Биренбаум 1985 — *Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г.* Некоторые особенности категории количества (на материале английского языка) // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 122–130.
- Тураева/Биренбаум 1988 — *Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г.* Еще раз о функционально-семантической категории количества // Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка. Л., 1988. С. 110–121.
- Улуханов 1975 — *Улуханов И.С.* О словообразовательной категории (на материале глаголов, мотивированных именами) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1975. Т. 14. № 1. С. 27–35.
- Холодович 1979 — *Холодович А.А.* Категория множества в японском в свете теории множества в языке // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Чеснокова 1983 — *Чеснокова Л.Д.* Выражение категории количества глагольными формами в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 82–90.

- Шведова 1983 — Шведова Н.Ю. Лексическая классификация русского языка (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Славянское языкознание: IX Международной съезд славистов (Киев: сентябрь 1983). Доклады советской делегации. М., 1983. С. 306–323.
- Шляхтенко 1968 — Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. Л., 1968.
- Dabić 2000 — Dabić Bogdan. Beleške o kategoriji jediničnosti u srpskom jeziku // Naš jezik. Beograd, 2000. Knj. 33. Sv. 3–4. S. 198–203.
- Dressler 1968 — Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Wien: Kommissionsverlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1968.
- Meiniger 1934 — Meiniger K. Zahlwort und Ziffer. Aus der Kulturgeschichte unserer Zahlsprache, unserer Zahlschrift und des Rechenbretts. Breslau: F. Hirt, 1934.
- Hegel 1975 — Hegel G. W. F. Werke. Neu ed. Ausg. d. Werke v. 1832–1845. Bd. 6. Wissenschaft der. Logik. 2. 1. T. Die objektive Logik. 2. Buch. 2. T. Die subjektive Logik. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1975.
- Jakobson 1939 — Jakobson R. Signe zero // Melanges de linguistique offerts a Charles Bally. Readings in linguistics II / Ed. by P. H. Eric etc. P. 143–152.
- Jović 1977 — Jović Dušan. O nultim vrednostima u jezičkoj strukturi // Južnoslovenski filolog. Beograd, 1939. Knj. 33. S. 17–22.
- Kant 1944 — Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Hamburg: Meiner, 1944. XLVII.
- Kristal 1985 — Kristal Devid. Enciklopedijski rečnik moderne lingvistike. Beograd: Nolit, 1985.
- Metzler 2000 — Metzler Lexikon Sprache / Herausgegeben von Helmut Glück. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2000.
- Pete 1981 — Pete I. Семантические типы количественных отношений // Die Welt der Slawen. München, 1981. Jg. XXVI. Heft 2. S. 338–345.
- Šarić 2002 — Šarić Ljiljana. Kvantifikacija u hrvatskom jeziku. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2002.
- Tafra 1989 — Tafra Branka. Što su brojevi? (Gramatički i leksikografski problem) // Rasprave zavoda za jezik. Zagreb, 1989. Knj. 15. S. 219–237.
- Wundt 1906 — Wundt W. Logik. Stuttgart, 1906.

О. Ю. БОГУСЛАВСКАЯ

КВАНТОРНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ТИПА ВСЕОБЩИЙ¹

0. Введение в проблему

Предмет исследования в настоящей работе — семантика прилагательных *всеобщий, поголовный, тотальный, повальный, сплошной* и их сопоставление с некоторыми другими лексемами, близкими к ним в том или ином отношении.

По своему значению эти прилагательные сближаются с кванторным словом *весь*, с помощью которого их естественно толковать. Их семантика, которая будет подробно описана ниже, однако, гораздо богаче семантики классического квантора всеобщности ($\forall$), используемого в исчислении предикатов первого порядка.

¹ В статье обобщаются результаты работы автора над синонимическими рядами прилагательных ВСЕОБЩИЙ 1 (необходн.), ПОГОЛОВНЫЙ, ПОВАЛЬНЫЙ, книжн. ТОТАЛЬНЫЙ, СПЛОШНОЙ 1.2 'такой, участниками которого являются все члены большой группы', ВЗАИМНЫЙ, необходим. ОБОЮДНЫЙ, офиц. ДВУСТОРОННИЙ 2, ДВУХСТОРОННИЙ 2 'такой, субъекты которого действуют одинаковым образом по отношению друг к другу или находятся в одинаковом состоянии по отношению друг к другу или участвуют в одной деятельности, в результатах которой они одинаково заинтересованы, хотя их конечные цели могут не совпадать', и СОВМЕСТНЫЙ 1, ОБЩИЙ 2, КОЛЛЕКТИВНЫЙ 1 'такой, который осуществляется субъектами, имеющими единую цель и действующими одновременно' для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Эти словарные описания, опубликованные в работах [НОСС 1997, 2000, 2003, 2004], обсуждались на рабочих семинарах Отдела теоретической семантики Института русского языка РАН под руководством Ю. Д. Апресяна. Автор благодарит руководителя семинара и всех его участников за ценные замечания, высказанные при обсуждении.

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических исследований РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», раздел 4.15 «Системообразующие смыслы в русском языке», а также при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-04-00306а, гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ № НШ-1576.2003.6 и гранта 7-го конкурса экспертизы РАН «Семантика, прагматика и синтаксис служебных слов русского языка», индекс 119019.